

**Борис Херсонский
Василь Махно
Александр Кабанов
Анна Грувер
Ольга Брагина
Людмила Херсонская**

**ПОЭТЫ УКРАИНЫ:
СКВОЗЬ ТОЛЩУ ОГНЯ**

Борис Херсонский

ВМЕСТО ИМЕНИ ПРОЧЕРК

* * *

возможность наследника осталась в аптечной резине
отставший от поезда догоняет его на дрезине
гудок паровоза слышнее чтоб было страшнее
чем мальчику ночью чем новобранцу в траншее
обстановка что надо врагу остановка в коммуне
живи пацан поклянись, что никому не
выдашь братана очкарика и ботана
пока не хлебнешь уксуса с желчью из ольхового жбана
а как хлебнешь говори, что хошь никто не услышит
угадай чей профиль на бархатном знамени вышит
угадай что написано в повестке из трибунала
угадай чья нога тебя под ребра пинала

* * *

каждый из нас живет в одной из глубоких нор.
в частности, я живу в норе под названьем «игнор».
в глубокой теплой норе, с зимним запасом зерна.
ничего что земля черна, дорога в нору верна.
не зовите меня оттуда, не кричите – я не глухой.
чашка с крепкой заваркой всегда у меня под рукой.
сладко вырыть нору в жирной земле родной.
любимые книги на полке застыли одна к одной.
сладко стареть в норе – я располнел и обмяк.
думаю – кто я такой? суслик или хомяк?
недавно был день сурка. так может, и я сурок?
мне дали задание в нору, и я затвердил урок.
проходите спокойно мимо этой глубокой норы.
играйте же, дети, я вытоптан из игры.
я вымаран из тетради. страница протерта в дыру.
вместо имени прочерк имя в нору заберу.
пока не залили ее кипятком из ведра.
отличное настроение у меня сегодня с утра.

* * *

мягкий климат ненавидят за мягкотелость:
морозов нет, снега меньше, чем нам хотелось.
включишь приемник – опять обещают туманы.
помирать – так с музыкой – думают меломаны.

музыка не меняется – лень поменять пластинку.
патефон не в порядке, надо нести в починку.
и самому в поликлинику сделать кардиограмму.

на гвозде картина – надо бы сделать раму.

но это – ближе к весне, или поздней весной.
или летом, не сразу, а когда привыкаешь к зною.
а покуда диван и камин, альбом фотографий древних:
тогда жили в городе, отдыхали летом в деревнях.

войны не боялись – зачем потакать паранойе?
молочница утром молоко приносит парное.
упало с яблони яблочко – далеко укатилось.
всех новостей – корова вчера отелилась.

* * *

Куришь в одной из полуподвальных каморок,
и невесть откуда на тебя наплывает морок:
мелькают лица, сливаются, вот, одно на другом.
Получается маска вроде тех, из картона,
и каморка вроде купе, и дом вроде вагона,
и страна вроде поезда, остановленного врагом.

В полуподвальном окошке мелькают ножки и ноги,
а на первом сидит бухгалтер, подводит итоги,
а на втором – бюстгальтер муж застегивает жене на спине,
а на третьем – бабушка учит внука ленина славить,
а что на четвертом – трудно себе представить,
зато на пятом – девица, нормальная не вполне.

На стене старый термометр, тут реомюр и цельсий.
Наша история – только одна из версий,
остальные расходятся, как после кладбища – по домам.
Мертвый уже забыт, но осадочек остается.
На том свете в раю, говорят, хорошо живется.
Матерь Божья лучше наших почивших мам.

Железная койка, гобеленчик на покрывале,
кто-то на небе, но мы-то в полуподвале.
После нас тут будет кафе, после кафе – пустота.
Штукатурка валится, по углам паутина,
можно взять в аренду, плата за день – полтина,
но что нам делать в полуподвале в наши лета...

* * *

зима придвинулась ближе, хоть еще не вплотную,
но слышен голос ее – не плачь, я тебя не миную,
и где там альфа, не знаю, ведь я – омега,
ты живешь на юге, у меня не допросишься снега,
но будет туман густым, и покойный диктор с экрана
будет озвучивать скудные мысли тирана.

и глядя на кресло увидишь бабушку с книгою или вязаньем.

и подумаешь, как ей там, наедине с мирозданием.
растопишь камин, подбросишь полено сырое.
гляди – загорелось, можно подбросить второе.

* * *

Для начала построим ратушу и собор,
и между ними вымостим брусчаткой квадрат.
Глядишь, и площадь образовалась сама собой,
в центре фонтан и всадник под тяжестью лат.

Дома на площади все на одно лицо:
этажей для начала – два, потом дома подрастут.
Резные дубовые двери. Мраморное крыльцо.
Балкон строго над дверью. Симметрию ценят тут.

Дома умножатся – архитектура не терпит пустых
пространств, стремясь разнообразить вид.
И вот уже улицы по закону параллельных прямых
потянулись от площади. Слава тебе, Евклид!

Дальше картина иная – застройка то так, то сяк.
Вверх по склону холма, цепочкою вдоль реки.
На окраинах все уродливо, все – наперекосяк,
ночи слишком темны. Дни коротки и горьки.

И, конечно, кладбища. Надгробья, как валуны,
заросшие мхом – то черны, то зелены.
Ближе к полуночи тут собираются колдуны,
обрастают шерстью и воют на диск луны.

* * *

не так уж страшна тыква, выдолбленная изнутри,
в которой горит – не сгорает стеариновая свеча.
что сказать о свече? хочешь гореть? – гори!
зубастая маска не похожа на палача.

не так уж страшны глаза и щербатый рот
на табурете перед входом в приличный дом.
гораздо страшнее государство, правитель, народ,
если правитель жесток, а народ ведом.

не так уж страшна на швабре белая простыня,
и чучело ворона настоящего ворона не страшней.
гораздо страшнее мысли в голове у меня,
гораздо страшней земля и звезды над ней.

ПРОКЛЯТИЕ

Черт бы побрал нас всех и сложил в свой черный мешок,

припомнив нам всякий грех – курам на смех или смешок,
ад есть психбольница – лоботомия и электрошок.
Решетки на окнах, дыры вместо замков,
ныне и присно, аминь – во веки веков,
в остальном там все как у нас, такой же серный душок.

Не стоит верить басням о пламени и кипящей воде,
поскольку мы – никто, и нас не сварят нигде,
разве только в чувстве вины, в жгучем стыде,
нигде, кроме нашей привычной социальной среды,
в чем-то наполненном смесью кипящей ненависти и вражды,
там же все наши обиды и все нелады.

Ад есть психбольница, вокруг одни миражи,
говоришь бредятину, что ни скажи,
круг мрачный фантазий – единственный адский круг,
хуже этого нет ничего, человек – сам себе не друг,
сам себе не друг, не товарищ, не сестра и не брат.
Чтобы наши души скупить, лишних не нужно трат.

Продал душу черту – ему и служи.
Дешево же достались мы своему врагу!
Вроде – отдали душу, а все равно в долгу.
Древнегреческую монетку я за щекой берегу.
Давай сосчитаем до трех и по счету «три»
скажем дружно – на х.. нужно, черт нас всех побери!

* * *

хороши снега и белы среди утренней мглы
замерзает ямщик не помог овчинный тулуп
видно дом жена и дети ему не милы
или сбился с дороги молод неопытен глуп
или это для песни сюжет на пару веков
той что за душу берет нагоняет тоску навсегда
замерзает ямщик молод глуп бестолков
в светлеющем небе сияет утренняя звезда
аврора севера песня уныла долга
ветер крепчает снег по снегу метет
как это назвать вернее метель пурга
замерзает ямщик подходящего слова не подберет

* * *

Какая бы дева по волнам ни бежала,
какие бы паруса за нею ни плыли вдогонку,
какой бы Лермонтов ни тянулся к рукоятке кинжала,
какой бы старик в субботу ни выбирался на Староконку,
какие факты ни сохранялись бы в базе данных,
какая бы в воздухе ни носилась зараза,
какой бы физик годами ни сидел на чемоданах,
читая газету «Правда» в ожиданье отказа,

в какую бы очередь ни выстраивались к гастроному,
сколько цыплят ни давали бы в одни дрожащие руки,
все равно хотелось, чтобы было все по-иному,
по заповедям Моисея и по законам науки,
по законам науки и по программе школьной,
чтобы детки росли послушно, с праотцами не споря,
чтобы гнал листву по дороге ветер продольный
от Городского сада до самого синего моря.

***Борис Херсонский** – поэт, эссеист, переводчик. Родился в 1950 году. Окончил Одесский медицинский институт. Автор нескольких книг стихов и публикаций в журналах «Октябрь», «Арион», «Новый мир», «Интерпоэзия», «Новый Берег», «Знамя», «НЛО» и др. Живет в Одессе.*

Василь Махно

ВОЙНА

как там у Тычины, Боже:
«И Белый, и Блок, и Есенин»
ими весь свет загорожен
со всех четырех обсели

дай же нам воли и силы
хлеб и походный рюкзак
брешут их рыжие лисы
на наш стародавний стяг

ведет же нас Игорь гневен
за Дон со своим полком
сегодня с февральским снегом
и завтра – с червленым щитом

они же всей тьмутараканью
всей мокшей всей чудью идут
стреляют по нашему стану
по нашим позициям бьют

и что там в «Слове об Игоровом»?
какие там ять или ер
враждой заслюнившись прыгает
ваш волк на старый барьер

дошли вы до рек и кордонов
и сердце мое в кулаке
черны стали ваши иконы
не отбелить в молоке

Боже, как там у Тычины:
про Киев – Мессию – и высь
что ж мы тех стихов не учили?
теки – мое сердце – сочись

24 февраля 2022

Перевод с украинского Аркадия Штыпеля

Василь Махно – украинский поэт, эссеист, переводчик, литературовед, член международного ПЕН-клуба. Родился в Черткове в 1964 году. Автор нескольких поэтических сборников. Стихи, эссе и драмы переведены на иврит, польский, немецкий, сербский, английский, литовский, чешский и испанский языки. Живет в Нью-Йорке.

Александр Кабанов

ВКУС МЕТАЛЛА

* * *

Не считать дурных привычек
от потопа до потопа,
ночью, из сгоревших спичек,
я составил слово – жопа.

По воде ходил с кувшином,
в небесах летал с аршином,
в райских зарослях укропа,
кривоногий и хромой,
понял: все на свете – жопа,
бог и жопа, милый мой.

Я любил один на свете,
как ничейная жена,
но, к несчастью, наши сети
притащили пушкина.

Был он черен и огромен,
в пять локтей на каждый ярд,
будто лермонтов – не ровен,
от хвоста до бакенбард.

И сказал он мне: смотри,
загадай желанья три,
три желанья для холопа,
обкончавшего журфак,
но учти – есть только жопа,
бог и жопа, свет и мрак.

Подступает вкус металла,
все вокруг поспешным стало,
надо этот рот зашить,
чтобы песню завершить.

В середине и в начале,
и снаружи, как внутри –
все желанья молчали,
нас осталось только три.

Вороненый звук галопа,
а в кустах из орхидей:
я, господь и эта жопа,
эта жопа для людей.

Мы сидели на могиле,
в белый мрамор кровь пустили,
если музыка – не зло,
спой, не вороти хлебало,
смерть с бобиной зажевало,
но никак не заживало,
потому что не жило.

* * *

Замерзает за окном простокваша,
это что там у тебя, юность наша:
снизу – попка у меня, дядя саша,
сверху – груди у меня, дядя саша.

При честном, но очень лживом народе
я сидел и я стоял на природе,
весь в смирительной на совесть гавайке,
шмыгал носом, а елдой ставил лайки.

Надо мной расцвел грибок из брезента,
подо мной садились пчелы на стебли,
я хотел быть двойником президента,
серединюю: от воблы до ебли.

Ночью днепр вставляет баржи в петлицы,
замирают над волной по эвклиду,
а затем, безмолвно падают птицы,
образуя под водой пирамиду.

Слева – облако, а справа – фазенда,
и закат неотличим от восхода,
вот и стал я двойником президента,
а народ мой – двойником у народа.

* * *

Книгу захлопнешь, но как это странно,
в небо посмотришь и выпьешь фестал,
верь по-буддистски библейско-коранно,
я никого, петушок, не читал.

Так, перелистывал книжную ксиву
и, улыбаясь, кивал головой,
было прохладно, смешно и сопливо,
книга убитая – автор живой.

Библиотеки из брежневской стали,
странные жалобы местных старух:
книжки опять воровать перестали,
книжки опять воровать перестали,

вышел на воздух, а воздух – протух.

Но ничего, даже смерть жилмассива,
ржавый кастет и распоротый рот,
стихотворение – это красиво,
стихотворение – это народ.

Влажный и синий, как пьяная слива,
верящий слепо в зеленку и йод,
книги ворующий зло и стыдливо,
баха читает и горькую пьет.

Как же не выпить, когда на странице
скачут индейцы, отбившись от рук,
белые скальпы и черные птицы,
чувствую: скоро умрет чингачгук.

Ну а поэзия – это такое
нервное чтение в желтом доме,
что-то невнятное, типа левкоя,
или бессмертное, типа му-му.

* * *

Мне учитель сказал: география – тлен,
этот мир образован от скуки,
закурил, но не стряхивал пепел с колен,
потому что он был одноруким.

Если б я за историей плотно сидел –
придушил бы гэбэшную гниду,
как покойник на школьную доску глядел,
на антарктику и антарктиду.

Там, сквозь толщу огня, проходил ледакол,
под безмолвие майны и виры,
в каждом трюме – чеснок и осиновый кол,
потому, что пингвины – вампиры.

Ну а мне открывалось другое трюмо,
в ледовитом гробу, за этапом:
гитлер спал, как принцесса – в одном эскимо,
напевая Высоцкого храпом.

Я солдат, но таких не берут даже в плен:
не убьют, так стишок отчебучат,
мне учитель сказал: география – тлен,
а историю больше не учат.

Александр Кабанов родился в 1968 году в Херсоне. Лауреат «Русской премии», премии «Anthologia», премии журнала «Интерпоэзия». Главный редактор журнала «ШО». Стихи

публиковались в «Новом мире», «Знамени», «Октябре», «Арионе», «Континенте», «Дружбе народов», «Интерпоэзии», переводились на украинский, английский, французский, немецкий, польский, сербский, финский, нидерландский и другие языки. Живет в Киеве.

Анна Грувер

ЦВЕТЫ

1. ЗИМОЙ РАСЦВЕТАЕТ

на тонком льду наших сомнений
коньки оставили узоры
так расписывают шариковую ручку на скучных лекциях
широкими кругами а в конце концов получается Freude¹,
ужасающая, вывернутый наизнанку
большой цветок ее
суть ее внутренности
Tochter aus Elysium², ре-минор

этот кактус расцветает весной

а этот
а этот зимой когда совсем не ждешь цветения

2. МУХИ НАД ЦВЕТАМИ

Я хочу

прикоснуться к родимому пятну
у твоего большого пальца
обычно оно прячется под широким кольцом
круглое и на твой взгляд

неприглядное

(под лампой я вижу, как из этого островка
прорастают тонкие волоски).

Ты хочешь

прической закрыть выпуклый шрам возле уха,
не показывать профиль, держать спину, но
быть непринужденной, легкой,
привлекательной,
нечеткой и затемненной:

скрыть все недостатки,
закрывать в кладовке всех мух своей непривлекательности,
убедившись, что не твое лицо надежно прячет твое в анфас,
спросить шепотом, наклонившись:
что такое доверие?

¹ Радость (нем.).

² Дочь рая (нем.).

Открыть дверь,
выпустить призраков – пусть летают на свободе

как мухи над остатками цветочного меда.

3. ЦВЕТЫ ПОКОЯ

гильзы-пустоцветы
падали в асфальт

и прорастали пшеницей
мы испекли хлеб твердый как

тучи, предвещающие эскалацию конфликта

4. ЦВЕТОК СВИДЕТЕЛЬСТВА

новые жители выносили старые вещи вперед ногами
полный набор Восточной Европы:

кресло из дырок которого лез поролон
помидоры в горшках земля просыпалась на лестницу
желтый абажур с бахромой облупленный чайник в крапинку
дисковый телефон книги ковер
и перевязанные куском марли конверты
на советских марках с гербом страны в углах краснели маки

скорее,
кричали грузчики

маки испуганно побледнели

ну же, ну,
кричали грузчики

я сунула букет писем под пальто и,
насвистывая старую мелодию о Монте-Кассино,
принесла в комнату, спрятала под кроватью, не читая

историческая память требует фиксации в словах
а любовь
управится и без случайных прохожих

5. ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Мы всегда будем вместе, –
говорит и
делает дубликат ключей, приносит кота,

высаживает растения на балконе, развешивает полотенца

и больше никогда не уходит,
даже
когда умирает.

6. ЛИЛИИ

Он приносил мертвые цветы,
она ставила их в воду

Он приносил мертвые цветы,
цветы были еще молодые, свежие, от них
еще пахло уродливым запахом на границе между
жизнью и не

Он приносил мертвые цветы,
она наполняла водой стаканы
она отрезала горло пластиковым бутылкам
она вымывала темное вино из стеклянных сосудов

Он приносил мертвые цветы,
она не знала, куда их деть в доме,
где последний вздох мертвых растений
заполнял пространство и на этом кладбище умирающих
стеблей не прорастало зерно в земле

Он приносил мертвые цветы,
пока не нашел ее в ванной
с ножом в бледно-зеленой руке
среди обрезанных листьев

Он закрутил краны, вода пролилась на пол,
у настоящей женщины цветы стоят долго,
так говорила его мать,
пока сама не пустила корни
в черную землю,

птицы пели в саду,
сын добросовестно разучивал гаммы,
отдых в субботний вечер –
и лилии, лилии.

7. ЦВЕТЫ НА КАФЕДРЕ

Я представляю спокойные дни, когда думаю о ней:
карандаш падает на ковер, слышно, как напряженно работает вентилятор,
в полдень
уставшая, она закрывает крышку ноутбука,
давит на веки пальцами

– простейшие действия, простые вещи, свет простой прозрачной ткани,
ты: верните меня к миру безопасности,
вы: сделай шаг,

сухие босые стопы под столом,
тайком освобождены от обуви.
Капля воды отражает гладкую поверхность окна.
Морщины под ее глазами
успокаивают воспаленную память тела:
здесь я в безопасности.

Ни одна вспышка воспоминания не отбросит меня назад, от ее смеха с ленцой,
лепестки комнатных растений щекочут нервы,
я знаю я не приживусь в ее герметичном мире,

но сейчас я не хочу знать об этом: я хочу положить щеку
на твое плечо,
пока ты набираешь длинное письмо
не кириллицей и не латиницей,
длинной чередой знаков, длинной чередой укрощенных тобой звуков,
и уйти,
ничего не выпив и не сказав.

8. РОСТКИ ГРУСТИ

в последний вечер июня укуренные улицы
отступают в темноту не зовут за собой
пивная бутылка быстро нагревается в ладонях
и я впервые хочу назвать тебя молодой
потому что боюсь через минуту увидеть признаки
того что нефеминистские порталы (которые ты
читаешь украдкой) называют зрелостью

*возраст опыта
когда точно знаешь чего хочешь чего не хочешь*

и к тому же эти постоянные отождествления с вином
будто кто-то тебя пьет а если действительно пьет то в конце концов
по этой логике ты останешься пустой
как тот граненый графин для цветов на кухне

тогда я лезу за оградой и срываю для тебя цветы и ты
говоришь что это сорняки и выбрасываешь в мусорный бак

на следующее утро
сексистская метафора прорастает
заново

9. ЦВЕТОК УГЛЯ

она касалась имен и называла вслух:

я – я

я – ты

одета в угольные звезды циркачка

под сводом

в пристальном сиянии маршей из начищенных труб

от края до края прошла

взмахнув рукой

исчезла в потайном выходе к небу сделала

большой скачок

от созвездия Большой Медведицы

к созвездию Малой Медведицы

среди звезд и зверей с женскими именами

она касалась имен и называла вслух:

я – ты

уголь – тепло

ты – уголь

пока не растворилась в шахтерском небе

10. СУХОСТОЙ

восточный ветер срывает с веревок

простыни и ползунки,

песни из материнских уст

куда он гонит пыль, и перья, и пух

с заброшенных голубяток и спортивных площадок?

куда гонит нас?

если мы так долго шли к краю,

если хотели остаться здесь и больше не идти,

но ветер гнет спины домов

ветер подталкивает нас к границе

тянемся корнями вверх, слышим в ответ

гудки завода,

гудки завода,

гудки завода

и ветер в сухих ветвях

11. САД

позолота переплетается с насыщенным голубым цветом

византийская символика сонные птицы пригибаются
под жарой не один миллениум просидеть у подножия истории
и искать защиту там, где нет необходимости в нашем дыхании
в существовании наших тел

чтобы наконец
отдохнув от себя в тени надкусив сливу
понять что ночь не наступила и солнце не село

а этот сад нуждается в дыхании

но не в теле
не в понимании тела

*Перевод с украинского **Бориса Херсонского***

Анна Грувер – поэт, эссеист, критик, переводчик. Родилась в Донецке в 1996 году. Изучает иудаику в Ягеллонском университете. Стихотворения публиковались в журналах «ШО», «Контекст», «Ф-письмо», на порталах Litcentr, Солонеба, переводились на польский, русский, румынский и литовский языки. Дебютный поэтический сборник «За вашим запитом нічого не знайдено» вышел в 2019 году (К.: Антвидавництво). Живет в Киеве.

Ольга Брагина

* * *

страна игрушечных сосен нравоучительных басен как ты ей несносен как ты огнеопасен как мир с той стороны прицела прекрасен как с ним счеты не сведены какие нам яркие снятся сны пока не выходим из дома смотрим в зеркало не понимая кто мы люди какие-то в бледности амальгамы наши предки взрывали храмы или тайно крестили детей потому что здесь главное выжить может и без затей может со временем этот мир станет добрей жизнь будет другая пока мы не выходили из дома пространство на ощупь забывая

города проселки в автобусах запах бензина пасхальная украшенная корзина когда приносишь сына в жертву ибо милосердия нет сколько здесь их еще таких и так слишком много лучше смотри на дорогу ведущую в никуда города проселки еще какие-то города без указателей вот перечеркнутый город мы выехали на трассу мы одушевленное светлой идеей мясо с нами иначе и нельзя конечно как же иначе по нам все равно никто не заплачет что это значит скажи мне что это за знак я просто все делаю не так из вариантов наиболее невозможный выбирая должна быть земля другая чернозем в котором живет идея каравая не просто чужая земля на которой мы временно делаем вид что ничего не болит ни одна рана затянувшаяся не саднит а на самом деле просто убит но «встань и иди» услышал потому что обязан быстрее и выше

идешь потому что иначе нельзя движение это жизнь по кругу комнаты тесной еще живым соболезна под ре-минорные отзвуки музыки неизвестной идешь потому что иначе нельзя под скрип натертого ламината иначе нельзя мы обязаны просто идти куда-то там горит звезда блеск и слава игрушек елочных над тобою нас растили героями нас всегда готовили к бою но мы боимся нам страшно геройство в крови превратилось в лед пусть никто больше не уйдет нас и так тут осталось в общем наперечет звезда горит как ее в будущем наречет тот кто откроет снова найдет для нее слово не вспоминая о нас ничего злого

Ольга Брагина – поэт, прозаик, переводчик с английского и украинского. Родилась и живет в Киеве. Тексты публиковались в журналах «Воздух», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Волга», «Дети Ра», «День и ночь» и др.

Людмила Херсонская

ЧУДОВИЩА ХОДЯТ ПО МИРУ

* * *

– Алло, Пастор! Живых здесь нет и в помине.
С нами в автобусе пушистый мальчик с цветами.
Это розы в газете. Он везет их Аминe.
Дорога перемежается блокпостами.
Блокпост – это пулемет и человек с автоматом,
Защитная сетка. И что-то еще из бетона.
Некоторые мертвые солдаты ругаются матом,
Пастор, здесь тонна беды. И по ту сторону тоже тонна.
Дорога тянется небесно-золотой полосой,
Навстречу плывут утки, венки, пароходы.
У дороги голосует смерть с пшеничной косою.
Война, Пастор, как пояс. Затягивается на тугие годы.

* * *

Стояли люди, смотрели на воду –
ничем вода от человека не отличается,
человек выходит из себя, вода выходит из берегов,
только вода не кончается там, где человек кончается.
Дети бросали в нее камни, а вода шла и шла,
не оглядываясь, только мутнела ликом,
и оглохшая баба из оглохшего из села
замахала на нее руками и захлебнулась криком.
И пошли мужики следом воду хулить и гнать,
за оглохшую бабу, за вылитые помои,
а вода поднялась, выпрямилась и ну реветь и стонать,
всех, пообещала, смою,
и стала вода прибывать и убавлять село,
и стала заполнять человеческие головы и подвалы,
и было утро, и все по воде плыло,
и все человеческое, что не вода, мучилось и тосковало.

* * *

а в спятившем доме задернуты шторы,
ну, что они, что они, что они там?
по белому морю ходили поморы,
по черному морю ходил мандельштам,
по красному морю, о, как это клево,
акуля уха и на палубе лед,
по красному морю слоны гумилева
ходили, бродили всю ночь напролет.
из юрского мрака, из русского парка

на черное море, калаш между ног,
приполз осьминогом двуногий захарка,
присоски и сопло, и нервов комок.
в коричневом цвете, в военном билете,
в пигменте под звезды чужой стороны,
в мохеровом траченном молью берете
приполз для подлючей подвойной войны.
теперь лишь чудовища ходят по миру,
тритоны и крабы за шторами спят.
зашорены очи, мозги заштормило,
и мальчик, конечно же, мальчик распят...

Людмила Херсонская – поэт, переводчик. Окончила Одесский государственный университет. Публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Новый Берег» и др. Живет в Одессе.